

## ОБ ИССЛЕДОВАНИИ НЕТРАДИЦИОННЫХ КОНФЕССИЙ (по поводу одной публикации)

---

*ПЕЙКОВА Зинаида Ивановна - младший научный сотрудник Института социологии РАН.*

---

До последнего времени в отечественной социологии религии преобладали исследователи, отягощенные опытом работы в атеистической парадигме, почему и саму социологию религии нередко называли "социология религии и атеизма". Отдавая должное их профессионализму, нельзя не отметить, что им лучше удавались разработка методов атеистической работы, исследования секуляризационных тенденций или общая религиоведческая проблематика, т.е. те сферы, которые лишь касаются феномена религиозности, особого углубления в специфику которого и не требовалось. Действительно, пока религии было жестко отведено определенное место в обществе, подобный подход не обнаруживал недостаточности. Но в 1990-е годы ограничиваться им уже недопустимо - ситуация с религиозностью населения резко изменилась, и необходимо ее углубленное, предметное изучение.

Благочестие называется в Евангелии великой тайной; теология (не философия) признавалась царицей наук, наукой наук - то есть самой сложной наукой. Без знакомства с ней и без знания культурных кодов веры изучение религиозности остается поверхностным - оно уподобляется этнографическому исследованию без знания языка этноса. Наглядно это проявляется в ситуации опроса, который, даже в случае установления доверительных отношений между интервьюером и респондентом, остается не более результативным, чем диалог немого с глухим.

Подобное познается подобным, и верующие социологи, в том числе автор анализируемой статьи, имеют здесь преимущество. Но и перед ним встает препятствие, мешающее научному постижению тайны духовности не меньше, чем атеизм, - на этот раз оно состоит в трудности отделиться от собственного кредо и переключиться в режим объективности и беспристрастности. Поясним сказанное на примерах.

Статья Ю.Л. Василевского "О религиозной ориентации учителей", опубликованная в № 9 журнала, написана по результатам изучения аудитории посетителей евангелизаторских конференций. Они проводятся западными миссионерами с целью обращения к Богу населения России, имеющей продолжительный опыт государственного атеизма. Проповедническая деятельность ныне приняла такие масштабы, что стала характерной чертой духовной жизни страны, знаменем 1990-х годов. Ею занимаются многочисленные религиозные организации, в том числе и во все времена называемые сектами: от широко прославившихся до известных лишь их членам.

Деятельность сект, особенно тоталитарных, глубоко тревожит общественность. Но по лояльности к ним наша страна превосходит страны развитой демократии, где они преследуются по закону. Причиной гонений в том, что секты наносят финансовый, физический и психический вред своим членам, превращают их в недееспособных граждан.

Изучение сект представляет значительные трудности в силу их закрытости, эзотеричности. Тем не менее иногда удастся туда заглянуть, и статья г-на Василевского предоставляет одну из таких редких возможностей. Перед нами работа ученого, включенного, в силу своей конфессиональной принадлежности и профессиональной деятельности (научный консультант российско-американского общества "Духовное возрождение"), в эту сферу жизни. Потому интерес к его статье, как взгляду изнутри, возрастает.

Прежде всего отметим энтузиазм исследователя, в одиночку прошедшего за 3 года более 30 опросов, что даже не каждому коллективу под силу, и самостоятельно обработавшего 10 тысяч анкет. Автору удалось провести и дальнейшие этапы исследования: описательный, объяснительный и прогностический. Но при чтении этой оригинальной работы возникают вопросы, на которых необходимо остановить внимание.

Первый вопрос - допустимо ли экстраполировать полученные данные на учителей вообще, как это заявлено в названии статьи, или хотя бы на учителей Украины и европейской части России? На первый взгляд кажется, что да: объем выборки в 10 тыс. чел. значителен и превышает обычно используемые для всероссийских исследований (общероссийская репрезентативная выборка, к примеру, ВЦИОМ составляет 1-2 тыс. чел.). Тем не менее репрезентативности даже такой объем выборки гарантировать не может. Чтобы считаться репрезентативной по каким-либо параметрам, выборка должна по этим параметрам (чаще всего по социально-демографическим характеристикам: полу, возрасту, образованию, профессии и т.д.) приближаться к соответствующим пропорциям в генеральной совокупности. О каких же характеристиках генеральной совокупности, - учителей, - известно из статьи? Только то, что "учитель, пожалуй, самая массовая профессия" и т.д. [с. 78].

Не исследовав генеральную совокупность и не построив выборку, адекватную ей по необходимым для избранной темы параметрам, нельзя считать полученные данные репрезентативными. Видимо, изучен был контингент учителей - посетителей евангелизаторских конференций. Так как последние отличаются нетрадиционностью и население относится к ним с настороженностью, то контингент посещающих их скорее специфичен. Не зная обстоятельств привлечения к участию в них, мы не можем судить и о мотивации их посетителей. Но полагая, что участие было добровольным, полагаем также, что были и отказавшиеся от него. Какова была их доля в общей численности учителей, какое распространение ответов дали бы они, будь и они опрошены, - неизвестно. Поэтому, видимо, речь в статье не может идти об учителях в целом, а лишь об их части.

Далее, весьма существенна ситуация опроса - он проводился в конце конференции, когда респонденты еще находились под непосредственным впечатлением от нее. Атмосфера некоторой экзальтированности, обычно создаваемая западными проповедниками, могла вызвать различную реакцию - от эмоционального заражения до резкого неприятия. В обычной же ситуации ответы респондентов были бы другими. Поэтому приведенные опросы скорее отразили реакцию слушателей на конкретное мероприятие, нежели их подлинную религиозность.

Кратко остановимся на втором вопросе, который касается другой, не менее важной по последствиям, методологической ошибки, заложенной в анкету. При формулировке закрытого вопроса (об отношении респондентов к Богу) автор предложил 6 вариантов ответа: "я верю, что Бог есть"; "я на пути к Богу (ищу Бога)"; "здесь на конференции я стал христианином"; "христианином я был и раньше"; "я остаюсь атеистом"; "затрудняюсь ответить", - и дал возможность респондентам выбрать один вариант ответа. Очевидно, что в перечисленном наборе из шести альтернатив мы имеем пример псевдошкалы, в которой вместо одного критерия классификации используются несколько. Логичнее было бы разделить множество всех респондентов на три группы - "верю", "не верю", "затрудняюсь ответить", затем каждую группу делить по выбранным критериям: верующих разделить, к примеру, на христиан и нехристиан, затем выяснить, когда христиане стали идентифицировать себя таковыми и т.д., то есть делить по правилам дихотомии. Игнорирование законов формальной логики привело к парадоксальным результатам: верующие-христиане автором не отнесены в разряд верующих (следовательно, все христиане являются неверующими) и, наоборот, все верующие в Бога названы нехристианами (следовательно, среди верующих нет ни одного христианина). Словом, респондент-христианин, видя первую же альтернативу "я верю, что Бог есть" и выбирая, что вполне естественно, именно ее, попадает в

ловушку, неизвестно зачем поставленную, и с этого момента он причисляется к стану своих противников. Думается, что респонденты, будь они ознакомлены с выводами об их вероисповедании, нашли бы их несколько неожиданными.

Но неожиданного здесь практически нет - с точки зрения той же логики. Если предположить, что автор исходил из определенной неявной посылки, то нужно признать, что его выводы являются логически истинными. Эта посылка такова: "Христос не есть Бог". Если так, то действительно все, кто верует во Христа, веруют не в Бога. Может, конечно, показаться странным сочетание столь невысокого мнения о христианах с присоединением себя к их числу. Но знакомство с историей сект объясняет и этот парадокс: сектанты во все времена, искажая христианское учение, тем не менее желали называться только этим именем.

Далее, еще один нестандартный ход мысли автора: группу верующих он называет двояко: то верующими (табл. 1), то нехристианами (рис. 1, 2, 8, 9). И хотя он оговаривает (в начале статьи) эту двоякость, она все же существенно дезориентирует читателя. Строго говоря, это подмена понятий, недопустимая в науке.

Разумеется, право личности на свободу совести свято - с вероисповедной точки зрения. Но наука не столь лояльна к проявлениям указанной свободы, она предъявляет к ученому жесткие требования. Скажем, в социологии существует проблема сопоставимости методик сбора первичных данных, которая проявляется, к примеру, в том, что по одним данным уровень религиозности кажется завышенным, по другим - заниженным. Происходит это, помимо других причин, и оттого, что разные исследователи вкладывают в понятие "верующий" различное содержание. Одни называют верующими тех, кто признает себя таковыми, другие - только тех, кто исполняет церковные обряды и т.д. Признание же христиан не верующими в Бога, думается, не только не прояснит динамику религиозности, но и усугубит проблему сопоставимости.

Впрочем, данные настоящего исследования можно существенно реконструировать, заменяя понятия более точными, и после этого пустить в научный оборот.

Поскольку автор вводит в сферу нравственного богословия, то позволим себе возразить ему и в этом. Забота об экологии христианства обнаруживает атеистичность, потому что для верующих людей подобные проблемы лежат вне сферы их компетенции - христианство учреждено Христом, и люди бессильны распоряжаться его судьбами. Их заботы более узки - это следование заповедям Христа. Только в этом отношении они призваны уподобиться Христу. Стремление же совершить революционный переворот в уже существующем в нашей стране виде христианства - православии - в подражание Христу, совершившему переворот в иудаизме, есть подражание иного рода. Оно есть подражание Христу в Его божественности, или человекобожие, достаточно хорошо раскрытое в религиозной философии. Описанная же "экология христианства" сводится к борьбе за расширение экологической ниши квазихристианской группы.

Христианство, научающее чад своих терпению причиняемых им страданий и, более того, искреннему благодарению Бога за них; любви ко всем людям без исключения; почитанию окружающих людей, в том числе и последнего преступника, выше себя, а себя - последним из грешников; научающее страху перед Богом и боязни пойти против Его воли; воспитывающее в духе смирения и кротости - только это чистое христианство, выраженное словами Альберта Швейцера как благоговение к жизни, соответствует современным представлениям об идеале экологичности.

В заключение о вопросах, на которые наведено нас знакомство с анализируемой статьей. Известно, что и вера, и наука зиждутся на краеугольном камне, который называется Истиной. Служение ей есть отличительный признак и особое призвание как ученого, так и верующего. Что же заставляет нас отступать от истины? Не рискуем ли мы отпасть и от науки, и от христианской веры?